

Содержание

Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба 3	
Самоубийство влюбленных на Острове Небесных Сетей	131
Масляный ад	245
Примечания	417

*НОЧНАЯ ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА
ЁСАКУ ИЗ ТАМБА*

КНИГА ПЕРВАЯ

Одно зерно,
Рожденное от князя,
Приносит тысячи отборных зерен риса
И рассыпает вокруг себя дары
Несчетные...

Оно еще незримо
Таится в материнском чреве,
А уж десятки тысяч
Покорных и почтительных вассалов,
Смиренно лбы склоняя до земли,
Бьют в барабаны лести
И щелкают в восторге языками.

У князя Юруги,
Властителя замка в Тамба,
Там, в отдаленной округе,
Дочь родилась Сирабэ
От служанки,
Гревшей воду для чая...
Дитя кипящей любви,
Милости, пролитой случайно,
Как угодно было судьбе.

А теперь Сирабэ,
Тонкая, гибкая,
Словно стебель цветка, поднялась
И, хоть нет ей еще десяти,
Шуршит шелками
Придворного платья.
Длинные волосы перехвачены
Золоченым шнуром
Для первой прически.
Не отвести восхищенных глаз!

Ей предстоит далекий путь — в Эдó,
Путь из родной столицы
На Восток.
Она просватана
В высокородный дом
Владельца князя Ирумá;
Сначала станет дочерью приемной,
Потом женою княжеского сына.
Князя берут
Свою невестку в дом
Еще нераспустившимся цветком.

Чтоб охранять
Невестку в пути,
Прибыл эскорт почетный
Во главе с доверенным
Старшим вассалом.
Все воины
У него под началом,
Он у князя в большой чести.

Готов длинный-предлинный поезд.
В паланкине

Золотом и алом,
На шелковых подушках покоясь,
Сама поедет
Юная госпожа
О-химэсама.
Двадцать конников-самураев
Ее сторожат,
Как пристойно невесте высокого сана.
Впереди пойдет
Толпа скороходов,
Разгоняя простой народ.
Позади — нескончаемый ряд:
В паланкинах, носилках
Разных чинов придворные дамы,
Высших рангов дамы,
Средних рангов дамы,
Младших рангов дамы...
На каждой великолепный наряд.
Все паланкины под номерами —
Четыреста восемьдесят паланкинов!
Всюду золото, шелка всех цветов,
Раззолоченная парча.
Вот носилки придворного врача,
Опытного целителя
Любой детской хвори.
Вот паланкин главной наставницы,
Кормилицы Сигэнби.
И еще: прачки, стряпухи, судомойки,
Прислужницы для шитья и кройки,
Няньки, девушки-забавницы...
Все красивы, как на подбор,
Даже служанки простых служанок.
Сколько проказ и любовных ссор!

А сколько на улице перебранок!
Носильщиков больше тысячи
Ждет у ворот.
Носильщики
В ящиках на длинных шестах
Дары понесут богатые:
Золото, серебро, жемчуга,
Драгоценные камни, яшму, агат,
Золотые чаши, ветки коралла,
С длинными ручками зонты,
Разукрашенные лаком тисненым, алым;
В узорных ножнах большие мечи...

На ящиках покрывала
Из златотканой старинной парчи
С большими родовыми гербами:
    Павлония в полном цвету,
    Заяц с веткой вишни во рту,
    Ветка сосны,
    Журавль на лету
    На распростертых крыльях.
    А там драконы
    Свиваются кольцами,
    Сеют
    Пурпурное пламя.
Драгоценная кладь
Перевязана шнурами
Червлеными.
Узлы на шнурах
Алеют пионами.
Ящикам с утварью нет числа,
Навалены грудой...
Корзины с кухонной посудой,
Мешки с недорогою поклажей

Отправят на сменных ломовиках,
А на собственных конях отборных
Повезут под надежной стражей
Самое ценное в тяжелых тюках.

Заранее намечен час отъезда,
Счастливым час Змеи.
Накормленные лошади готовы.
Погонщики —
Все опытные люди! —
Подобраны под статью:
Красивы и ловки,
Умеют песни петь!
Их нанимали, денег не жалея.

Стеснились люди, кони, паланкины.
Широкий двор
Запружен до краев.
И вот выходит из дворца начальник,
Доверенный вассал,
Старик почтенный, знающий обряды,
Допущенный и в женские покои.
Он носит имя Хбнда
Ядзаэмóн. Взгляните на него!
Хоть он стоит нетвердо на ногах —
Немало чарок выпил он вина, —
Хоть он качается,
Но тверд в решеньях.
На нем дорожная накидка
Из огненной парчи; его лицо
Огнем пылает;
Ноги у колен
Обмотаны пурпурными шнурами.

Весь красен он.
Лишь волосы седые
Как снег белы.
Он громко возглашает:

— Хо-хо! Как я вижу, все в сборе... Что ж! Передовые могут отправляться в путь. Эй, Бундза и Гэнгодза! Вы, как я еще вчера распорядился, поедете в самом хвосте! Э-э, молодые самураи, слуги, погонщики и скороходы! Да-да, я вам говорю, шныряльщики по харчевням, в дороге не смейте напиваться! И ежели вы на постоянных дворах либо на переправах буйство учините, так знайте наперед: пощады не будет. То-то! И вот еще что: не вздумайте тискать по всем харчевням каждую девку в красном переднике! Особо остерегайтесь любовных шашней перед паланкином юной госпожи. Ей по малолетству еще рано смотреть на все ваши проделки.

Все ясно?.. Ну да, впрочем,
В дороге долгой нелегко поститься
И трудно избежать любовных встреч.
Так незаметно,
В темном уголке,
Да поскорей,
Да кое-как... За это
Мы взыскивать не станем!
В самом деле,
Наш поезд — поезд радости. Везем
Мы князю дочь,
А княжескому сыну
Невесту... Чтобы счастья не спугнуть,

Я, так и быть, грешок один-другой
В пути вам отпущу без наказания!

— Мы повинемся! — сказали старшины
Носильщиков. —
В дорогу! Становись
По номерам — и в путь!

Как вдруг — тревога.
Вдруг суматоха в доме, беготня,
Встревоженные голоса служанок
И детский плач.

«Что там такое?»

«Стойте!»

Служанка выбегает из дворца:
— Какая неприятность! Погодите!
О-химэсама
Изволит гневаться. Не хочет ехать,
Упрямится и плачет:
«Не хочу!
В Эдо я не поеду, не поеду!»
Сам князь сиятельный с супругой вместе
Пытаются упрямицу унять
И успокоить: то бранят сурово,
То утешают. А она свое:
«В Эдо я не поеду!»
Сигэнои —
Почтенная кормилица —
В слезах.
Все доводы, все средства исчерпала.
О-химэсама
Топают ногами:
«А, злая нянька! Хочешь на Восток —
Сама и поезжай!»

И по спине
Зонтом свою наставницу колотит:
Хлоп-хлоп!
Ну как тут быть?

И вдруг,
Навзрыд рыдая,
Размазывая брови по лицу,
Сурьму смешав с румянами, из дома
Сама о-химэсама выбегает,
Крича:

— В Эдо?
Не еду!
На Восток?
Я не желаю!

Слуги, самураи
Бегут к воротам:
Им запрещено
Смотреть на молодую госпожу,
Хотя она совсем еще ребенок.

Смятенье! Суматоха!
Все мужчины
Столпились за воротами. Остался
На месте только старый Хонда.
Поспешно на веранду выбегает
Почтенная кормилица, дрожа
От страха, побледнев от огорченья:
— О-химэсама! Да послушайте меня!

Даже дети простых людей, когда им уже девять-десять лет, и то начинают понимать разумные уговоры. Извольте взглянуть сюда! Вот этот